

Таким образом, проведенный анализ поможет уточнить выражение «медиаимидж города» для усиления понимания процессов ретрансляции имиджевых символов в медиапространстве региона; обнаружить сущностное развитие медиатизации имиджевых коммуникаций в продвижении территории города; обозначить методику продвижения города через конструирование синергетичных имиджевых знаковых систем, маркирующих особенности региона (Республики Мордовия).

Библиографические ссылки

1. Гусева Е. Н. Конструирование привлекательного социокультурного имиджа города Саранска как фактор формирования позитивной территориальной идентичности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. № 1. С. 71–83.
2. Бондаренко Е. В. Манифестирование имиджа региона средствами массовой информации: дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2012. 182 с.
3. Градюшко А. А. Основы творческой деятельности веб-журналиста. Минск : БГУ, 2019. 239 с.
4. Агишев Р. Р., Баринаова О. Н., Кузина О. Н., Манаева И. В., Рункова Е. С., Сизиков В. А., Французов В. В. Мониторинг эффективности деятельности средств массовой информации Республики Мордовия в 2017 г. // Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2017 г.: сб. науч. трудов / под ред. И. М. Фадеевой. Саранск, 2019. С. 115–139.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНЖИНИРИНГ В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ОБЩЕСТВА: ВЗАИМОСВЯЗЬ КОММУНИКАЦИИ И ПОЛИТИКИ

И. С. Бондаренко

*Запорожский национальный университет,
ул. Жуковского, 66 а, 69600, г. Запорожье, Украина,
lystopad.iryna@gmail.com*

В статье исследуется роль социального инжиниринга и коммуникационных технологий во время старта модернизации обществ. Анализируется специфика внедрения инновационных социально-политических проектов в истории ряда европейских стран.

Ключевые слова: социальный инжиниринг; коммуникационные технологии; модернизация; пропаганда; гражданское общество.

SOCIAL ENGINEERING IN SOCIETY MODERNIZATION PROCESSES: CORRELATION BETWEEN COMMUNICATION AND POLITICS

I. S. Bondarenko

Zaporizhzhya National University,

66 a, Zhukovsky Str., 69600, Zaporizhzhya, Ukraine

Corresponding author: I. S. Bondarenko (lystopad.irynd@gmail.com)

The article explores the role of social engineering and communication technologies at the starting point of modernization process in societies. It analyzes the specifics of implementing innovative socio-political projects in a number of European countries.

Key words: social engineering; communication technologies; modernization; propaganda; civil society.

Социальный инжиниринг как индустриальная парадигма оптимизации социально-экономических процессов и эффективная технологическая система конструирования корпоративного пространства предприятий в период между Первой и Второй мировыми войнами становится эффективным инструментом формирования современных обществ. Апробированные в пределах определенного промышленного объекта, техники менеджмента, администрирования, инженерного дизайна, рекламной коммуникации, корпоративного патернализма отныне переносятся в плоскость государственного строительства ряда европейских стран. Успешность социального инжиниринга во время модернизации обществ объяснялась самой спецификой этой технологической системы: научными подходами к планированию, новаторскими решениями, профессионализацией политики.

Социальный инжиниринг стал неотъемлемой частью модернизационного дискурса, в рамках которого формировались основные аргументы относительно общественного планирования, адаптации социальных структур и поведенческих шаблонов проектирования в соответствии с новой моделью западной демократии и индустриального общества. В современной науке устоялось мнение о том, что социальные инженеры используют научный метод для анализа и понимания социальных систем с целью разработки соответствующих технологий развития общественных формаций.

По мнению Дж. Скотта [1], современные проекты социальной инженерии являются результатом эволюции новой общественно-экономической модерности. Они стали символом не только стандартизированной рыночной экономики, но и бюрократической гомогенности, не только революции, но и колониализма. Исследователь справедливо замечает, что четкая спланированная поступательность общественной динамики XX в. создала все предпосылки для реализации масштабной социальной инженерии; идеология высокого модернизма обеспечивала желание, авторитарное государство предоставляло решимость действовать в соответствии с этим желанием, а недееспособное гражданское общество обусловило формирование уравниненного социального ландшафта, на котором можно было возводить новые общественно-экономические и социокультурные модели.

Истоки «высокого модернизма» в проектах социального инжиниринга тоталитарных государств находит Л. Лукассен, отмечая, что «высокий модернизм», предполагающий обязательное наличие социального инжиниринга, стал возможным прежде всего в условиях государственной диктатуры и в обществах со слабыми гражданскими институтами – там, где в процессе социального планирования государство практически не встречало сопротивления со стороны граждан, церкви, профсоюзов или неправительственных организаций» [2, с. 270]. Впрочем, исследователь признает, что социально-инженерные программы очень активно применялись и в демократических странах, например, в Швеции, Швейцарии, Бельгии, Норвегии, Великобритании во времена реализации проектов «welfare state». К их числу исследователь относит демографическую политику, евгенические сценарии, стерилизацию населения, сегрегацию определенных социальных и национальных групп. Безусловно, Л. Лукассен не соизмеряет практику этих стран с трагическим опытом нацистской Германии, а объясняет их, опираясь на теории З. Баумана, М. Фуко, Дж. Скотта. Социальный инжиниринг этих государств базировался на желании технократов и специалистов бороться с теми группами, которые не смогли справиться с социальными трансформациями и не ассимилировались в современном обществе.

По мнению Ю. Левады, самые большие достижения и успехи модернизации могут вызвать глобальные и даже катастрофические трансформации общественной системы. Так, прогрессивные технологии могут использоваться для укрепления традиционного или революционного деспотизма, массово-коммуникационные системы воздействия применяются для агрессивного изоляционизма, а современное оружие – для

актуализации архаических обществ. Исследователь считает советское общество одной из «химер модернизации XX века», которое «испытало все рычаги массового принуждения, не пройдя периода «массового потребления»» [3, с. 19].

По словам польского исследователя П. Мадайчика, в дискурсе социального инжиниринга начала XX в. наука сочеталась с политикой, создавая единую неделимую систему, в которой происходили два основополагающих процесса – «онаучивания» общества («unaukowienia społeczeństwai» [4, с. 204]) и политизация науки. Ученый отмечает, что институционализация социальной инженерии усилила взаимосвязь между наукой и политикой, в результате чего научные дискуссии стали частью политики властей, социологи привлекались к процессам создания государства, а чиновники принимали активное участие в научных конференциях и обмене научной информацией. П. Мадайчик констатирует: «Это означало, что граница между двумя различными ролями – власти и экспертами – становилась все менее зримой» [4, с. 204].

Однако, следует заметить, что термин «социальная инженерия» является широким понятием и касается ряда исторических фактов, связанных с модернизацией обществ в Европе и Северной Америке, например, разрушения традиционных сельских структур, возникновение капиталистической экономики. По нашему мнению, толкование социальной инженерии только как насильственного проекта конструирования общества нивелирует предыдущую историю успешных социальных реформ, которые продолжались в США и странах Западной Европы в конце XIX – в начале XX вв. В то время весь прогрессивный опыт в области государственного, общественного и корпоративного управления маркировался новым термином – «социальный инжиниринг». И это были действительно эффективные практики оптимизации трудовых ресурсов, адаптации рабочих к новым технологическим условия труда, последовательное формирование среднего класса. Нельзя рассматривать масштабные проекты реформирования / модернизации общества вне его общей политической культуры, уникальных исторических практик определенной нации и деятельности политических актеров.

Библиографические ссылки

1. *Scott J. C.* Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. London : Yale University Press, 1998.
2. *Lucassen L. A.* Brave New World: The Left, Social Engineering, and Eugenics in Twentieth-Century Europe // *International Review of Social History*. 2010. Vol. 55(02). Pp. 265–296.

3. *Левада Ю. А.* Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. М. : Новое издательство, 2006. 384 с.
4. *Madańczyk P.* Zmiany dyskursu o inżynierii społecznej pod wpływem pierwszej i drugiej wojny światowej jako czynnik stabilizacji / destabilizacji ładu międzynarodowego // *Studia Maritima*. 2016. Vol. XXIX. Pp. 203–216.

ЛИТЕРАТУРА КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Н. А. Булацкая

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Республика Беларусь,
kaffiloll@mail.ru*

Цель исследования состоит в выявлении возможностей расширения коммуникативного пространства посредством занятий литературой. Литературное образование – часть университетского образования. Автором обосновывается необходимость изучения возможностей литературы как коммуникативного пространства, что отвечает потребностям дня. Рассматриваются факторы и пути, способствующие расширению интеллектуального уровня коммуникации в студенческой среде. Научная новизна заключается в изучении новых методических аспектов преподавания литературы с целью расширения коммуникативного пространства. Результаты исследования могут быть использованы при чтении лекционных курсов и разработке тематики семинарских занятий по литературе, ее популяризации в широкой читательской среде.

Ключевые слова: литература; коммуникативное пространство; интеллектуальный уровень; образование.

LITERATURE AS THE COMMUNICATIVE SPACE IN THE UNIVERSITY SYSTEM OF EDUCATION

N. A. Bulatskaja

*Belarusian State University of Culture and Arts,
17, Rabkorovskaya Str., 220007, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: N. A. Bulatskaja (kaffiloll@mail.ru)*

The purpose of the research is to identify the opportunities of the expansion of communicative space through literature classes. The results of the research may